
Леонид Ройзман

Избранные письма к Ольге Минкиной

Предисловие и воспоминания о Л.И.Ройзмане О.П.Минкиной

Леонид Исаакович Ройзман

Леонид Ройзман. Избранные письма к Ольге Минкиной

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68911584

SelfPub; 2023

Аннотация

В последнее время стали модными эпистолярные бестселлеры от музыкальных знаменитостей (вроде «Писем к юной пианистке» Гидона Кремера), в которых помимо прочего затрагиваются серьёзные нравственные и профессиональные проблемы. Эту традицию продолжает известная российская органистка Ольга Минкина, которая публикует ряд писем к ней знаменитого мэтра отечественной органной школы Леонида Ройзмана. В своих посланиях «к юной органистке» тот весьма прямолинейно, называя персоналии и факты своими именами, описывает прелести нашей музыкальной системы, которую нам всегда подавали как безупречную.

Содержание

От издателя	8
Предисловие	12
Воспоминания о Л. И. Ройзмане	12
Письма	45
Письмо № 1	46
Письмо № 2	50
Письмо № 3	52
Письмо № 4	55
Письмо № 5	57
Письмо № 6	62
Письмо № 7	64
Письмо № 8	65
Письмо № 9	66
Письмо № 10	69
Письмо № 11	71
Письмо № 12	72
Письмо № 13	76
Ольга Минкина	78

Леонид Ройзман
Леонид Ройзман.
Избранные письма
к Ольге Минкиной

Леонид Ройзман
Избранные письма к Ольге Минкиной

Предисловие и воспоминания о Л.И.Ройзмане О.П. Минкиной

illegible handwritten text
25. mai 1986
Munka

От издателя

К этой публикации меня подтолкнули два события.

Первое из них довольно прозаично. Разбирая недавно свой довольно богатый эпистолярный архив, я обнаружила связку писем от Леонида Исааковича Ройзмана и с интересом их перечитала. С пожелтевших страниц, густо испещрённых неровными строчками, на меня повеяло далёким и, казалось, забытым прошлым: восьмидесятые годы ушедшего столетия, Московская консерватория, период моей ассистентуры-стажировки в классе именитого профессора... Текста было так много, что он явно не вмещался в формат тетрадных листков; тональность писем была такой взволнованной, что это волнение невольно передалось и мне.

Второе событие по времени совпало с первым, но было менее безобидным. Разыскивая в Интернете книгу Ройзмана «Орган в истории русской музыкальной культуры», я случайно набрела на материалы, посвящённые его памяти. Авторы постов, отмечая заслуги Леонида Исааковича в развитии отечественной органной культуры, на первое место выдвигали его роль педагога. Вчитываясь в длинный перечень органистов, вышедших из органного класса Ройзмана, я с удивлением не обнаружила там себя. Задетая за живое, я принялась шарить по сайтам, просматривая всё новые и новые статьи, посвящённые Ройзману, но с возрастающим недоумени-

ем так и не смогла отыскать в них своей фамилии. А между тем, я провела в ассистентуре-стажировке под руководством Ройзмана почти четыре года (1984–1987); если считать время до поступления и после окончания – и того больше. Играла концерты, слушала других, общалась – словом, была, что называется, на виду. К тому же, я являлась одним из двух представителей Ленинградской органной школы в его классе, так что обойти меня вниманием было просто невозможно.

Это показалось мне тем более странным, что авторы некоторых материалов были со мной знакомы, более того: многих из них я, будучи в 80-е и 90-е годы XX столетия ведущей органисткой академической Капеллы им. Глинки, автором и лектором нескольких абонементных циклов, в том числе органных, приглашала в Ленинград для участия в этих программах.

О причине такого досадного невнимания я могу лишь догадываться. Возможно, ознакомившись с содержанием писем, читателю станет понятен расклад событий и фактов. Но, тем не менее, не разочарование подтолкнуло меня к публикации. Письма Леонида Исааковича настолько содержательны, они затрагивают такие сокровенные проблемы нашего музыкального образования и – шире – нашей музыкальной культуры (и её инверсии – музыкального «бескультурия»), что было бы преступлением с моей стороны умолчать о них. Ройзман на протяжении нескольких десятиле-

тий являлся истинным «генералиссимусом» на отечественном органном фронте; его мнения и суждения, его характеристики многих, в том числе ныне действующих лиц могут расставить фигуры на шахматной доске совершенно иначе, чем этого хотелось бы «вершителям» исторического процесса. Многое из того, о чём пишет Ройзман, неизбежно вызовет шок у ныне здравствующих органистов. Он называет имена и фамилии, приводит факты, вскрывая «гнойник» (это его выражение) тех социальных и человеческих взаимоотношений, которые у нас всегда было принято классифицировать как безупречные.

Следует учитывать, что письма возникали только тогда, когда я уезжала домой в Ленинград. Тех, кто знал Ройзмана – всегда подчёркнуто корректного, замкнутого и несколько отстранённого – не может не удивить тот пылкий, нервный, иногда восторженный, а иногда болезненный тон, в котором они изложены. Остаётся только догадываться о том, чего стоила этому человеку, прошедшему горнило тридцатых, сороковых и пятидесятых годов его внешняя сдержанность. Холодная маска спокойствия на лице и четыре инфаркта в анамнезе – как это типично для того поколения! Надо учесть, что помимо писем были ещё живые беседы – откровенные, горячие, доверительные, я бы даже сказала, исповедальные. Содержание этих бесед навсегда останется при мне, письма же я отправляю гулять по просторам Интернета, в уверенности, что они найдут своего адресата.

Однако для того, чтобы читателю стало понятно, о каких событиях идёт речь, мне придется озадачить его ещё одним вводным разделом, который можно озаглавить как «Воспоминания о Л. И. Ройзмане». В нём я не буду называть всех имён и фамилий – они поднимают неприятную мусть со дна моей души; поэтому в некоторых случаях ограничусь лишь инициалами – достаточно того, что в письмах моего любимого профессора они обозначены полностью.

Предисловие

Воспоминания о Л. И. Ройзмане

Ещё будучи студенткой Санкт-Петербургской Консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова, я стала активно выступать на сцене академической Капеллы им. Глинки. Поначалу мне было предложено читать вступительные «спичи» перед хоровыми, симфоническими и органными концертами, потом к ним добавились и сами концерты. Я много играла – соло и со знаменитым капелльским хором, а также с его солистами, с оркестром и инструменталистами всех видов и родов. Ещё через некоторое время мне доверили составлять абонементные циклы, которые я вела и к которым сама подбирала исполнителей. Таким образом через мои «руки» прошёл не один десяток отечественных органистов, с большинством из которых я сблизилась и подружилась.

Как-то раз мне пришлось читать лекцию перед концертом Ройзмана, и я воспользовалась этой возможностью, чтобы с ним познакомиться. Он сразу понравился мне – прежде всего, своей манерой общения. Внешне сдержанный и немногословный, чуть ироничный, он, тем не менее, сразу откликнулся на моё душевное движение в его сторону. Я почувствовала, что тоже понравилась ему – возможно, именно благо-

даря тому, что была его полной противоположностью. К моему удивлению, он сразу же согласился меня послушать и пригласил для этого в Москву.

Я рванула туда незамедлительно и была совершенно очарована – и тем «широкоформатным» миром, которым ослепляла московская консерватория (коридоры шириной в Невский проспект! подоконники, на которых мог уместиться квартет! несколько органных классов! четыре часа ежедневных индивидуальных занятий против наших четырёх в неделю!! и т. д. и т. п.), и, главное, совершенно новым для меня стилем преподавания.

В то время я была на третьем курсе питерской консерватории; за плечами у меня оставалась знаменитая школа «Десятилетка» (так её именовали в музыкальном мире) – жёсткая муштра, непреодолимая дистанция между педагогом и учеником, детерминизм во всём – начиная от музыки и кончая поведением в свободном от занятий пространстве. В консерватории – уроки органа у Н. И. Оксентян (тут уж и вовсе бессловесная форма обучения, игра «под указательный палец» с контрапунктом в виде мычания: «М...татитата, м...тата-титата»...). С Ройзманом же процесс общения был взаимным: он не только наставлял, советовал, показывал, рекомендовал – он ещё и прислушивался, присматривался, оценивал и время от времени осаживал меня, как осаживают горячую застоявшуюся в конюшне лошадку. Я же, почуяв волю, выплёскивала на него весь пыл своих многолетних иска-

ний и размышлений. Ему можно было доверить все самые острые мысли об органном исполнительстве, все безумные идеи, все творческие пробы и эксперименты. Он ничего не отрицал, ни на чём не настаивал, ни в чём не переубеждал – понимая, видимо, что это бесполезно. Чаще всего он примирительно говорил: «Согласитесь, что, как бы Вы ни были убеждены в своей правоте, как бы безупречно Вы ни играли, всегда нужен сторонний слушатель, который из зала скажет Вам: «Ага! Это не работает! А здесь Вы недотянули!»

А ещё он любил повторять: «Учитель – я имею в виду Учителя с большой буквы – у человека может быть только один». Он произносил это тихим, многозначительным, почти сакральным голосом, и мне казалось, что он намеревается стать для меня этим Учителем. При его словах я скромно опускала глаза, ибо в мои планы это не входило. Дело в том, что таким Учителем, о котором говорил он, стала для меня моя Крёстная Руфина Фёдоровна Некрасова, абсолютно выдающаяся женщина – физик, математик, медик, и, главное, гениальный педагог. Она научила меня всему: читать, писать, рисовать, думать, лечить людей и животных, и даже играть на рояле. Она провела меня по жизни, передав своё умение разбираться в людях, угадывать их мысли и предвидеть намерения, отделять зёрна от плевел, избегать волков в овечьей шкуре, не служить Мамоне, не метать бисер перед свиньями, и много чему ещё. Она сделала меня тем, что я есть, и даже после её смерти я ощущаю её присутствие рядом

с собой и её помощь во всех животрепещущих вопросах.

Но от Леонида Исааковича я это обстоятельство мудро утаивала, предоставляя ему думать, как ему хочется. Тем более что в области органа он точно занимал первое место.

Наши идиллические контакты иногда затуманивались некоторыми странными обстоятельствами, которые чем дальше, тем чаще вызывали у меня лёгкие сомнения в совершенстве моего наставника.

Дело в том, что в целом отношения в органном классе московской «цитадели» носили, мягко говоря, полицейский характер. И главным «держимордой» был мой обожаемый профессор, чем сам он весьма гордился. Он установил среди своих (и не своих) подопечных такой режим, при котором не вовремя сданный ключ, опоздание на пять минут (или уход раньше времени) на индивидуальные занятия (не говоря уж об уроке), отсутствие подписи в вахтенном журнале, и т. д., и т. п. могло обернуться для виновного месяцами лишения доступа к инструменту, если не исключением из списка органистов вообще. Однажды в туалете я стала свидетелем того, как девочка Катя Эм, случайно обнаружив в своей сумке «несданный» ключ, чуть не упала в обморок, а, опомнившись, прошептала: «Мне сразу повеситься, или подождать?..» В другой раз, увидев, как бьётся головой об стенку очередной провинившийся в «несдаче» ключа, я приняла огонь на себя и сама вернула «просрочку» на вахту. Престарелая вахтёрша, видимо, тоже охотно игравшая в эту иг-

ру, смерила меня взглядом энкавэдэшника, ведущего осуждённого на расстрел. В итоге мой трюк не прошёл: на следующий день Ройзман ледяным тоном сообщил мне, что в виде исключения прощает содеянное, но в следующий раз подобное заступничество обернётся для меня двойным наказанием. Наконец, мне случилось видеть, как он в буквальном смысле слова лупит по затылку здорового Витю Эн (к тому времени уже отца двоих детей) и, как нагадившего котёнка, тычет его носом в клавиши за случайную фальшивую ноту.

Всё это казалось забавным до тех пор, пока не коснулось меня самой.

В начале января был день его рождения. Я долго выбирала подарок и, наконец, остановилась на роскошной книге о братьях Ван Эйк (я всегда дарила людям то, что любила сама, а ранних нидерландцев я обожала). Вскоре случился его концерт в Малом зале консерватории: он, как всегда, играл объёмную насыщенную программу, в конце которой стоял Бах – Прелюдия и фуга си-минор.

В этот раз выступление давалось ему тяжело; заметно было, что ему нехорошо, и он изо всех сил борется со своим нездоровьем. Я всегда принимала игру учителей так, как она есть, без излишнего анализа и критики. Чего нельзя было сказать об остальных студентах: я видела, как они корчатся от смеха в своих креслах, передразнивая случайные жесты и позы старенького профессора. Один из кривляк, имени ко-

торого я не помню (оно потонуло в море московских органичных выкормышей), обратился ко мне с риторическим вопросом, ответ на который уже висел у него на языке:

– Ну, как тебе?! Просто шедевр, да?!

Я промолчала. Он откинулся назад, упёрся коленками в спинку впереди стоящего кресла, благо зал был далеко не полон, и прыснул в ладошку:

– Шэ и Пэ где-то на хорах. Небось, валяются от хохота!!

Мне было противно его бесстыдное глумление, тем более, что Шэ и Пэ казались мне интеллигентными мальчиками и неплохими органистами.

Тем вечером я не зашла к Ройзману в артистическую, так как его выражение лица во время поклонов к этому не располагало: оно показалось мне мрачным и отстранённым. Наутро была запланирована общая репетиция в зале, так что мы волей-неволей должны были встретиться.

Любой органист знает, что нашему брату всегда и на всех концертных площадках выделяется самое неудобное время: либо ранним утром, либо после мероприятия – за полночь. В тот раз случилось так, что я почему-то водрузилась за орган первая. Остальные студенты – их было штук пять – кучковались у меня за спиной в ожидании своей очереди. Возможно, зная нрав своего наставника, они сознательно использовали меня в качестве громоотвода, но я, ничего не подозревая, резво шпарила ту самую си-минорную Прелюдию Баха, которую вчера играл Л. И.

Внезапно где-то в конце зала раздались тяжёлые, будто металлические хлопки. Я прекратила играть и оглянулась: по проходу медленно шагал Ройзман, ударяя в ладоши, словно в било, а выражение его лица, такое же холодно отстранённое, как вчера вечером, явно не предвещало ничего хорошего.

Я сняла руки с клавиатуры. Он тяжело поднялся на сцену и подошёл к органу.

– Вы что, белены объелись? – язвительно бросил он мне.

Я ожидала чего угодно, только не этого:

– В каком смысле, Леонид Исаакович?!

– В смысле темпа. Он у вас не просто быстрый, он сумасшедший.

– Разве?.. Обычно я играю ещё быстрее.

– Хё-хё-хё! Очень рад за Вас. Подобный темп абсолютно недопустим, он просто неприличен. Не верите мне – спросите хоть у них!

Он махнул рукой в сторону учеников. Сжавшись от страха, те усиленно закивали головами, словно китайские болванчики. Это меня рассмешило:

– Да они что угодно подтвердят! Они же вас боятся!

– Хё-хё-хё! Меня, деточка, давно уже никто не боится!

Это самое «хё-хё-хё» (или его разновидность – «хю-хю-хю»), тоненькое и с присвистом (губы дудочкой), он издавал всегда, когда ему хотелось выразить своё презрение. Оно должно было означать высшую степень сарказма.

Я поняла, что разговор поплыл не в то русло, и отвернулась. Но он упёрся:

– Задвиньте регистры.

Я послушно вдвинула цуги в корпус органа, не сумев вовремя спрятать улыбку. Он взвился:

– Верните регистры на место и уберите их абсолютно бесшумно и с серьёзным лицом!

«Ну, пошли старческие закидоны», – подумала я, состроила трагическую гримасу и театральным жестом нейтрализовала свою диспозицию. Он позеленел:

– Репетиция закончена. Встаньте из-за органа и уберите скамью.

Я поднялась из-за пульта, взялась было за скамейку, но меня остановил его окрик:

– У нас не принято переносить скамью, у нас принято её перевозить!

Я не удержалась и прыснула. И тут за моей спиной возникла какая-то зловещая тишина. Я потянула скамейку на себя и с опаской оглянулась. Он спустился по ступенькам со сцены и теперь направлялся к выходу, но так медленно и тяжело, что мне стало не по себе. Дойдя до середины зала, он вдруг замер на месте, присел на ближайшее кресло и откинул голову назад. Его лицо стало землисто серым, нос заострился, он стал похож на покойника. «Боже, я веселюсь, а у него четыре инфаркта», – мелькнула страшная мысль. Мы дождались, когда он вышел из зала, и разбежались.

Через несколько дней, уже будучи в Ленинграде, я получила от него посылку. Туда была вложена книга о братьях Ван Эйк – мой подарок – и коротенькое письмо следующего содержания: «У меня была любимая ученица Оля Минкина, её больше нет».

В душе у меня словно что-то оборвалось: ну вот, не успела найти нечто стоящее, как тут же потеряла! Но ничего не поделаешь – надо было как-то выпутываться из ситуации. Думала я, думала, и решила закончить аспирантуру досрочно. Позвонила в Москву в отдел аспирантуры, договорилась. Всё замыкалось на согласии руководящего профессора; я и ему написала, и, ссылаясь на семейные обстоятельства, попросила принять у меня «госы» в ближайшее время.

В завершении своего письма я заверила его, что у меня и в мыслях не было его обижать, а всю ситуацию я рассматриваю как недоразумение. «Несмотря ни на что, я люблю и уважаю Вас больше, чем Ваши выдрессированные ученики», – констатировала я.

Прошло совсем немного времени, и я снова появилась в Москве, чтобы показать ему выпускную программу. Перед уроком я тщательно припрятала свои колючки и вошла в класс, облачившись в подчёркнуто вежливую официальную форму. Он тоже выглядел до странности притихшим, словно настороже: пока я выставляла регистровку, ходил туда-сюда на цыпочках, эдаким крадущимся лисом, опасливо поглядывая на меня. Ситуация представилась мне смешной и глупой.

пой, и я неожиданно для себя произнесла, словно меня кто-то толкнул изнутри:

– Леонид Исаакович, простите меня, если я виновата!

Он всплеснул руками и воскликнул, будто только и ждал этого момента:

– Олечка, да что же я такого сделал, что вы на меня так обиделись?!

– Как же, Леонид Исаакович, Вы сказали, что я белены объелась!

– Деточка, да я даже не знаю, как она выглядит, эта белена!!

Это было настолько прелестно, что я не выдержала и рассмеялась.

Мы бросились обниматься; он утирал скупую слезу, а я извинялась ещё и ещё раз, желая компенсировать все те дни, когда он ожидал этого напрасно.

В этот раз мы не занимались, а отправились гулять по Москве. Был чудный солнечный день; я говорила без умолку, рассказывая ему обо всём на свете, он слушал, понимающе кивал, иногда поддакивал, иногда ронял на чашу весов какую-нибудь глубокую мысль, которая разом перевешивала все мои монологи, а иногда останавливался и прижимал руку к сердцу: «Тише, тише, деточка, Вы ведь не хотите, чтобы я умер прямо сейчас, на месте?!»

Нет, я не хотела, чтобы он умер. В молодости вообще не думаешь о том, что тот, в ком ты нуждаешься и к кому

ты привязан, может вот так просто взять и уйти из жизни, от лишнего слова, от взгляда, от неверной интонации. Да и перевелись сегодня люди, способные так чутко реагировать на малейшие нюансы человеческих отношений! Через пару дней я вернулась в Ленинград, и вот тут-то началась та самая переписка, часть которой я сегодня публикую. Ещё в поезде у меня сложились стихи, которые я ему незамедлительно переправила, он мне ответил... И потекли письма, непрерывно и в обе стороны.

...Ещё один трагикомический эпизод я должна прокомментировать, чтобы читателю стало понятно, о чём и о ком идёт речь в письмах Л. И.

Долгие годы мы дружески общались с Натальей Малиной – органичным мастером Московской консерватории, женщиной незаурядной, яркой и харизматичной. Стоит однажды увидеть её, чтобы понять, что это экземпляр из ряда вон – и по форме, и по содержанию. Наталья походила на цветок, засушенный сто лет назад между томами энциклопедии Брокгауза и Ефрона: у неё имелся только профиль, без фаса. Одевалась она всегда в допотопные старушечьи вещи, тёмные, непонятного фасона и происхождения. Помню, меня буквально потрясли её боты образца 50-х годов – войлочные, на железной застёжке. В такие боты женщины раньше всовывали ноги вместе с туфлями; как и откуда они могли реанимироваться в наши дни – загадка. Помню, увидев её, сердце

моё сжалось от щемящей жалости к очевидной нищете этой незаурядной женщины. О, как я была далека от истины! Малина не только не бедствовала, она оказалась более чем состоятельным человеком. Просто, видимо, внешняя сторона жизни не занимала её, и она подчёркнуто ею манкировала.

За время общения у меня сложилось о ней впечатление как о человеке по-настоящему добром, даже щедром, открытом и абсолютно неспособном к притворству (не говоря уже о её высочайшем профессионализме). В её квартире на улице Станиславского всё время кто-то обитал – ученики, подмастерья, просто интересующиеся люди, которым она давала всё, что имела – кров, пищу, своё внимание, свои знания – и при этом абсолютно бескорыстно.

(Здесь я должна сделать маленькое отступление и коснуться больной темы, без чего острота и актуальность писем Ройзмана будет потеряна (в дальнейшем я ещё раз вернусь к этой теме). Россия – страна контрастов, и пропасть между двумя крайностями – взяточничеством и полным бессребрничеством у нас встречается чаще, чем где бы то ни было. При этом в столице она ощущается особенно остро. Когда я в первый раз отправлялась к Ройзману, я долго мучилась вопросом: как мне отблагодарить его за потраченное время?.. Знакомые музыканты наперебой уверяли, что цены в московской консерватории запредельные – от 25 до 50 рублей за урок (тогда на 50 рублей можно было просуществовать месяц). В итоге я явилась к Ройзману, шурша пятью десяти-

рублёвками в кармане. В конце нашей встречи я заикнулась о плате за консультацию, но встретила насупленные брови и суровую отповедь: если я намереваюсь в дальнейшем с ним общаться, я не должна оскорблять его подобным меркантилизмом. «Я консультировал и продолжаю консультировать пол России, но никогда не взял за это ни одной копейки», – сердито промолвил он, и я, безоговорочно поверив ему, никогда более не касалась этой темы).

Повод убедиться в душевной щедрости Наташи Малиной у меня также возникал не раз. Однажды после предэкзаменационной репетиции в Малом зале Ройзман, комично причмокивая, поднял интимный вопрос:

– Хм, деточка, а нет ли у Вас другого костюма для сцены?.. Видите ли, комиссия в основном состоит из мужчин, и я не уверен, что они будут слушать Ваше исполнение, потому что в основном их будут интересовать Ваши ножки.

Малина, которая присутствовала при этом разговоре, расхохоталась. Я была до крайности смущена: дело в том, что в те времена в Ленинграде женщины-органистки шили себе затейливые платья, у которых верхняя длинная юбка откидывалась назад, а нижняя была достаточно короткой, чтобы не мешать движению ног по педальной клавиатуре. В тех случаях, когда исполнительница располагалась спиной к залу, её ноги неизбежно отражались в лакированной поверхности органной кафедры.

Ройзман оценил реакцию Малиной:

– Наталья Владимировна, сегодня я хочу поговорить с Вами не как обычно – то есть, не как мужчина с мужчиной, а как женщина с женщиной. Может, у Вас найдется для нашей мадам что-нибудь подходящее? Ну, там, какие-нибудь брючки, рейтузики... А то я за мужской состав комиссии не отвечаю.

Та тотчас откликнулась:

– Не волнуйтесь, Леонид Исаакович, сообразим!

И мы с ней, смеясь, устремились на улицу Станиславского.

Наталья выпотрошила весь свой гардероб, заставляя меня примерять всё, что походило на «брючки» или «рейтузики». Увы! Нелепые предметы её туалета были мне невообразимо длинны, но я продолжала напяливать их на себя, боясь её обидеть. Наконец, нашёлся один костюм, в котором я не утонула.

– Ах, как чудно! Как Вам идёт этот казакинчик! Вы в нём просто как куколка! Пройдитесь-ка по комнате туда-сюда! – восторженно восклицала Наталья.

«Казакинчик» напоминал рабочую робу шахтёров 18 века. Во мне боролись ужас и стеснительность. Модельным шагом я двинулась к зеркалу но, по счастью, тут же запуталась в фалдах сюртука и повалилась на пол. Это решило мою судьбу: меня оставили в покое и позволили играть в собственном наряде, соблазняя членов комиссии своими ногами.

Единственное, что мешало в общении с Малиной – это её

не в меру острый язык, который она пускала в ход по поводу и без повода. За это, а может, за излишнюю прямоthu, её не любили. Ройзман, обсуждая со мной её неуживчивость, как-то раз, скроив хитрую мину, достойную персонажа из «Иудейской войны» Фейхтвангера, произнёс буквально следующее:

– Ну, если мне по медицинским показаниям требуется крапива, то я надеваю перчатки, срываю эту крапиву и употребляю её!

Так он и поступал. Как-то раз перед концертом в Большом зале консерватории мне дали очень неудобную репетицию. Л. И. планировал со мной поработать, но ему было тяжело вставать ни свет, ни заря, и он придумал, как улучшить ситуацию:

– Вы дружите с Малиной, – исподволь начал он. – А она в свою очередь дружит с директором Большого зала. Подъедьте к ней как-нибудь поделикатнее и попросите походатайствовать, чтобы нам выделили сносное время.

Не заметив подвоха, я последовала его совету. Боже! Какую отповедь я получила! «Да как я смею, да это неприлично, да свои дела надо улаживать самой, а не вешать их на голову другим, да она никогда и ни при каких обстоятельствах...», и так далее, и тому подобное в красочных вариациях и довольно обидных выражениях.

Меня словно ледяной водой окатили. Проблема, не стоившая выеденного яйца, выросла до размеров Монблана. Си-

туация усложнялась тем, что как раз в этот период я организовала Малиной концерт в Капелле, и детали её пребывания в Питере – встретить, разместить, ассистировать на концерте, и т. д. – лежали на мне. Сейчас мне надо было срочно уезжать из Москвы, так что отвечать на поток нравоучений снова пришлось в письменной форме.

Я написала, что при всём уважении не могу допустить того тона, которым она привыкла разговаривать с людьми. Читать морали и поучать – не её прерогатива. У неё нет на это ни нравственного, ни формального права. Напротив: люди, у которых это право есть, как правило, им не пользуются. Я знаю её как добрую и неглупую женщину, но подобная манера общения граничит с хамством. А потому, невзирая на целый букет превосходных качеств, её никто не любит, а очень жаль.

Реакция Малиной тонко и остроумно запечатлена в письмах Л. И., так что я не буду её дублировать.

Ещё один скользкий момент, который неизбежно всплывает при чтении писем. Я имею в виду антагонизм московской и ленинградской органичных кафедр. Ройзман, единогласно и безоговорочно признанный главой столичной – а, значит, и общесоюзной органичной школы, находился в латентном непримиримом противостоянии с Исайей Браудо, возглавлявшем ленинградскую ветвь. Этот последний, безусловно талантливый органист и музыковед, во всей прочей своей деятельности, как явствовало из рассказов Л. И. и дру-

гих известных музыкантов, был отнюдь небезупречен. В то время как Ройзман оснастил весь Советский Союз добротными органами и тем самым дал толчок развитию органного исполнительства и композиторства, Браудо нимало не содействовал преумножению органного инструментария в северной столице. Напротив, некогда богатый органный ресурс в Питере как-то подозрительно редел, пока в конце концов не сократился до двух единиц: в зале академической Капеллы им. Глинки, на котором я имела счастье (точнее, несчастье) трудиться значительную часть своей творческой жизни, и в Большом зале Филармонии им. Шостаковича, где я также часто играла соло и с оркестром. Оба означенных инструмента были варварски «отреставрированы» чехословацкой фирмой «Ригер-Клосс» (точнее, их попросту лишили многих аутентичных регистров, а оставшиеся имели жалкое звучание)¹. Вот эти-то два уroda и передал в наследство питерцам ушлый пророк от музыки, что не могло не вызвать адекватной реакции Ройзмана. Он рассказывал мне, что некоторые из «выбракованных» и предназначенных в утиль ленинградских инструментов ему удалось спасти, перенаправив в другие города, что не могло не вызвать злобной реакции у его оппонента.

Бурная деятельность «пророка Исаяи» протекала при

¹ Позже орган академической Капеллы был реконструирован немецкой фирмой Eule, а орган Большого зала Филармонии практически полностью перестроен фирмой Klais

непосредственном участии и содействии (насколько оно было вольным или невольным – открытый вопрос) органного мастера Юстина Пронцкетиса, от которого мне нередко приходилось слышать о трагической одиссее ленинградских органов. Зловещим шепотом он то и дело принимался рассказывать о том, как исторические органы – достояние нашего города то горели, то затоплялись невской водой во время наводнений, будучи изъятыми из очередной церкви и сваленными в подвалах, то находили свой конец на строительных свалках и помойках. Честно говоря, по молодости лет и по простоте душевной я не могла понять, как могли произойти все эти несчастья, и, главное, почему Пронцкетис, если он знал о готовящихся злодеяниях, не сделал всё возможное, чтобы их предотвратить. Я смотрела на него умными глазами, будто бы всё понимая, но никак не могла связать концы с концами: в моей голове не укладывалось – если он стал невольным свидетелем этих ужасных преступлений, то почему не сообщил о них в соответствующие органы, а если был непосредственным участником содеянного, то с какой целью рассказывает об этом?! Как выяснилось впоследствии, я не была единственной слушательницей этих откровений, попадающих то ли уголовщиной, то ли психушкой.²

В кулуарах ходили слухи и о других «слабостях» мастито-

² Описываемые факты нашли косвенное отражение в повести О. Мининой «Пророк», опубликованной в журнале «Петербург» за 2010 год, а также в сборнике повестей и рассказов О. Минкиной «Острова», СПб, 2015

го профессора. Павел Александрович Вульфийус, под руководством которого я писала музыковедческий диплом, как-то раз, смеясь, высказался о Браудо так: «Он был как гидра – ел собственных детей!» Только много позже до меня дошёл смысл этой шутки: если у Ройзмана количество учеников исчислялось сотнями, то от Браудо «в живых» осталась лишь Нунэ (Нина) Оксентян, да ещё его родная дочь Анастасия Браудо. Куда подевались все те, кого по наивности (или по вдохновению) засосало в органный класс ленинградской консерватории – серьёзный вопрос, который мог бы стать предметом дополнительного ис(рас)следования. Я, по Божьему промыслу, поступила в консерваторию уже после смерти пророка, но имела удовольствие пожинать плоды от посеянных им зёрен: хиленький разваливающийся двухмануальный «Зауэр» в классе, неизбежный «Ригер-Клосс» в концертном зале им. Глазунова, звук от которого запаздывал на несколько секунд, и дважды по два часа в неделю индивидуальных занятий. Музыкант-исполнитель только ухмыльнётся: что можно выучить за четыре часа – не в день, а в неделю?!

Что касается традиций в области педагогики, то мне довелось познакомиться лишь с двумя экземплярами из этой области: наследница Исайи Анастасия Браудо была, несомненно, обучена всем тонкостям органного исполнительства; однако, мне не пришлось у неё учиться, поэтому я не могу оценить её педагогической дееспособности и добросовестности.

Я попала в класс к Н. И. Оксентян, но, к сожалению, тоже не в силах дать оценку её «школе» по причине отсутствия таковой. Нина Ивановна часто брала меня на свои выступления в качестве ассистентки, за что я ей благодарна: это позволило мне ближе познакомиться с органом и теми «подводными камнями», которые ожидали меня на концертном поприще.

А их было немало. Например, органная кафедра в Большом зале Филармонии на репетициях, как правило, выставлась в боковой ложе, так что, очутившись во время концерта на авансцене, органист сталкивался с массой проблем совсем не музыкального свойства: как сидеть, как двигаться, как держать свои ноги, отражавшиеся в глянцевом покрытии кафедры (вы уже поняли, что женщины – о ужас! – в те времена выходили на сцену в платьях). На оркестровых же концертах шпильтыш³ оставался в ложе, так что между звучанием оркестра и органа возникал «рассинхрон» по меньшей мере в две-три секунды. В Капелле же исполнитель, скрытый кафедрой, не имел возможности контролировать регистровку, в связи с чем приходилось просить кого-то нажимать на клавиши, а самому многократно спускаться в зал, чтобы оценить динамическое и тембровое соотношение.

Практика ассистирования на концертах педагога мне изрядно помогла в дальнейшем. Но увы! – это единственное, о чём я вспоминаю с благодарностью. Уроки же складывались

³ Spieltisch – «игровой стол», то же, что органная кафедра, за которой сидит органист

в основном из того, что мне запрещалось играть так, как я считала нужным, но при этом ничего не объяснялось и не предлагалось взамен. «Вот это надо показать» – как лейтмотив, слышала я на протяжении пяти лет пребывания в органном классе ленинградской консерватории, не считая пресловутого «та-титата... м... тата-титата». Что означало ключевое слово «показать» – тоже не комментировалось. Согласитесь, что назвать это «школой» или «методикой» трудно. Да простят меня почитатели Н. И. Оксентян, но, выражаясь словами Сократа, «истина дороже» фальшивого пиетета.⁴

В свете вышеизложенного, я думаю, читатель оценит тот жёсткий приговор, который вынес Л. И. Ройзман компании ленинградских органных деятелей.

И, наконец, я подхожу к самому животрепещущему моменту в посланиях Л. И. Ройзмана – к его оценке так называемых международных «конкурсов», точнее, той изнанки, которая скрывалась за благополучным фасадом (здесь я буду писать только о нашей державе, хотя о заморских нравах и традициях я, как человек, прошедший добрую половину жизни за рубежом, тоже могла бы многое поведать).

Разговоры о зарубежных поездках у нас возникали редко: в те времена они были не актуальны. Я к тому моменту успела побывать в ГДР с концертами по случаю празднования трёхсотлетия со дня рождения Баха и Генделя, а также в

⁴ «Платон мне друг, но истина дороже» – этот фразеологизм приписывают Сократу

качестве руководителя группы воспитанников специальной музыкальной школы при консерватории, где тогда преподавала. Однако это было скорее исключение, чем норма. Один из ройзмановских «дрессированных» студентов (Пэ) сумел выбраться на кратковременную стажировку во Францию; по этому случаю его распирало от гордости, а изречения типа «у нас в Париже» не сходили у него с уст. Леонид Исаакович рассказывал мне о том, что его самого часто приглашают в Европу – в качестве члена жюри международных конкурсов, на всевозможные фестивали и презентации новых органов. Но одно дело приглашение, другое – допуск, а точнее, недопуск Министерства культуры. Все письма старик аккуратно складывал стопочкой, перевязывал ленточкой и подписывал своим знаменитым «хе-хе», потому что к нему они поступали из Министерства, как правило, уже пост фактум.

Тем более удивило меня прозвучавшее однажды предложение поехать с ним вместе в Будапешт на международный конкурс имени Листа, где его планировали назначить председателем жюри. Я в то время была кормящей мамой (рождение моей первой дочки Л. И. горячо приветствовал в письмах), и перспектива бросить семью недели на две меня мало устраивала. Однако я уже знала на опыте, что норовистому профессору лучше не возражать – себе дороже; к тому же, почти вся конкурсная программа была у меня, что называется, «в пальцах».

Я ответила согласием. Он принял это как должное:

– Обещать ничего не могу, но, по крайней мере, за порядком прослежу.

Эта фразу я тогда пропустила мимо ушей, смысл её стал мне понятен много позже. Однако когда через некоторое время разговор о конкурсе возник снова, его вектор развернулся на сто восемьдесят градусов:

– Я в Будапешт не еду, – заявил Ройзман.

В ответ на мой ошарашенный вид он, сложив губки бантиком, саркастически произнёс:

– Мне позвонили из Министерства и назвали фамилии двух органистов, которым я обязан буду обеспечить премии. Я ответил, что в эти игры не играю. «Тогда вы не едете», – был ответ. Вот я и не еду. Вместо меня едет Янченко⁵.

– Ну, тогда я тоже не еду! – гневно выпалила я.

– Нет, Вы поедете, – произнёс он с тем же выражением лица, с каким тыкал Витю Эн носом в клавиши. – Хотя о том, что вы там что-то получите, можете забыть.

– Почему это?! – возмутилась я. – А если я хорошо сыграю?!

Последовало его знаменитое «хё-хё-хё». Видно было, что он оскорблён до глубины души и пытается спрятать это под маской сарказма:

– Деточка, Ваша наивность очаровательна. Вот Вы при ней и оставайтесь. Я Вам потом всё объясню.

Я, разумеется, догадывалась, что у членов жюри могут

⁵ Олег Янченко – советский органист и композитор

быть свои пристрастия и приоритеты, но стремление поддержать своих студентов в противовес чужим казалось мне вполне естественным. «Если все сыграют примерно одинаково, то, конечно же, предпочтение отдадут не мне. Ну, что же, в этом нет ничего криминального, я к этому готова», – так я полагала. Увы! Как я была далека от истины!

По традиции конкурсу предшествовало всесоюзное прослушивание. Оно проходило в Таллине. Я не буду описывать эту мясорубку из сотни органистов, которым выделялось по полчаса репетиции на часовую программу перед вынесением смертного приговора. Отобрали пять человек: среди них была я, а также упомянутые персонажи (эстонец У и Э из Литвы), которых уже ждала готовая премия на будапештском конкурсе. Они показались мне довольно сильными органистами, особенно Э. В пятёрку избранных попали ещё Ка из Казани и Ма из Таллина; с последней я сразу же нашла общий язык.

В промежутке между всесоюзным прослушиванием и конкурсом Олег Янченко дал пару концертов в Капелле. Я вызвалась ему ассистировать, в основном ради того, чтобы познакомиться: слухи о его крутом алкоголизме ходили по всему Союзу, и мне хотелось проверить, насколько они оправданы. Рассказывали, что он опрокидывает в себя стаканы с водкой, как напёрстки, чуть ли не жонглируя ими; ставит их то на кисть, то на локоть, приговаривая: «Пятый мануал мы уже проехали, переходим на шестой». Реальность

превзошла все ожидания: прямо на концерте администратор Капеллы подтащила к органу сумку, приоткрыла её и продемонстрировала содержимое: там лежало не меньше десяти бутылок водки. Янченко кинул взгляд внутрь и продолжал играть, дрожа от возбуждения. Эти судороги алкаша, однако, ничуть не мешали ему играть вполне пристойно. Как он потом разбирался с «мануалами», я не видела, так как бежала прочь, точно от прокажённого.

Прошло немного времени, и мы отбыли в Венгрию. В качестве сопровождающей персоны (а таковые полагались – и, видимо, полагаются до сих пор при любом групповом выезде за границу) к нам приставили некую Елену Петровну Эс – чиновницу из отдела конкурсов союзного Министерства культуры. Сразу же по приезде она провела с нами разъяснительную беседу такого свойства:

– Если вы думаете, что здесь кому-то нужна ваша игра, то вы заблуждаетесь. Нужна не игра, а икра, которую мы привезли. А ещё электроточило. Багаж-то в аэропорту по весу делили на всех, помните?.. Информация для новичков, чтобы не возникало ложных иллюзий: все конкурсы – запомните, все до единого! – делаются нами. Абсолютно все лауреаты нам известны заранее. Лотерея исключена: человек со стороны никогда не получит никакого места. И напротив: если нам надо сделать лауреатом какого-нибудь скрипача, который только вчера научился играть на скрипке, мы срочно открываем для него конкурс в глухой итальянской деревне, ве-

зём туда двух исполнителей, наш получает первую премию, а оставшийся – вторую.

Я слушала её в пол уха. До меня попросту не доходило, кто такие «мы» и как можно подкупить всю конкурсную вертикаль, включая членов и председателя жюри. Я полагала, что тётка попросту набивает себе цену. А ещё – хочет нас запугать. В общем-то, ей это удалось. Я почувствовала, как сразу насторожилась Ма, заметно ощетибилась Ка, а Э стал как-то странно подёргиваться, видимо, уже примеривая звание лауреата и словно даже стесняясь собственной значительности. И только У невозмутимо выпячивал пузо. Я же молчала, напряжённо пытаюсь осмыслить происходящее.

Нас разместили в консерваторском общежитии. Эс обосновалась в нашей комнате и продолжила свои действия по нашей психологической обработке. Янченко тоже постоянно тёрся у нас, не прекращая рассказывать о своих подвигах в роли члена жюри каких-то там конкурсов. Госпожа министрша старательно накачивала его спиртом. С каждым следующим стаканом шкала его возбуждения увеличивалась на несколько градусов, и без того выпуклые глаза выкатывались ещё больше, пугая аномальным оловянным блеском, речь становилась всё быстрее и напористей, а изо рта вырывались спиритозные пары, как у огнедышащего дракона. Росла и степень его откровенности: из его рассказов явствовало, что он мог обеспечить призовые места всем, кому считал нужным. Весь мир для него делился на тех, кого он благодетель-

ствовал и тех, кто остался с носом, мстя ему впоследствии бессильными жалобами в вышестоящие органы. Его излишняя длились бесконечно и безостановочно, а мы, естественно, при этом играли роль немых статисток. Да и что нам ещё оставалось?! В конце каждого пиршества наша тётка вопрошала дурашливым голосом: «Ну, куда же я его такого теперь деду?! Придётся здесь укладывать! Девчонки, тяните жребий – с кем он будет спать!» При этом мне казалось, что Ка воспринимает её слова всерьёз и обдумывает свои действия в этом направлении.

Подошёл первый тур. Как ни странно, он дался мне легко, хотя в него входили и «дорийская» Баха, и пара непростых «шюблеровских» хоралов, и В-А-С-Н Листа. Публика, в том числе сами конкурсанты, принимали меня очень тепло. Тут было немало немцев, в основном, западных, с которыми я сразу же подружилась, несколько англичан (среди них вездесущий Малколм Рудланд) и, конечно же, венгры. Известный композитор Иштван Колош дал мастер-класс, так как во втором туре значились его опусы. Все были крайне дружелюбны – хвалили мою игру, подбадривали, делали многообещающие прогнозы. Все – кроме одной. Госпожа Эс после первого тура потратила немало времени, чтобы доказать мне мою несостоятельность. Главной идеей её монологов была мысль о том, что я играю слишком безупречно, а это ненормально. «В твоей игре есть что-то противоестественное, нечеловеческое», – говорила она. Потому что человеческое, по её мне-

нию – это значит неровно, нечисто, словом, уязвимо. А от моей игры становится страшно, будто не человек играет, а машина. И так далее в том же духе.

Я по-прежнему молчала, хотя уже не столь безучастно, как прежде. Дело в том, что к этому времени я почувствовала (как говорил Гамлет – носом у входа на галерею, где лежал труп Полония) – некое искривление пространства, эдакие подводные струи, которые несли весь конкурсный процесс вовсе не туда, куда он должен был бы двигаться. Это заставило меня подсобраться и даже проявить некоторую хитрость: поскольку горло моё после перелёта было не совсем в порядке, я отправилась в медпункт и, заручившись справкой о нездоровье, перенесла своё выступление в конец второго тура. Это давало мне возможность прослушать всех конкурсантов и составить о них своё мнение.

Хотя уже после первого тура стало ясно, что «не всё так гладко в нашем королевстве». Один из претендентов на лауреатство, У остановился во время исполнения программы и был снят с прослушивания. Э тоже показал себя не с лучшей стороны. Две трети конкурсантов отсеялись; среди прошедших на второй тур оказалась я и трое моих соотечественников. Я играла так же «бесчеловечно», как и на первом туре, сама удивляясь крепости своих нервов. Эс уже не пыталась меня дестабилизировать, видимо, осознав бесперспективность своих усилий. Ситуация накалялась, и алкогольные возлияния в нашей комнате приобрели кульминационный

характер. Последнее из них было настоящей атакой, которую провели совместно лауреат Госпремии и работник союзного Министерства. Янченко с налитыми кровью глазами размахивал вилкой и дышал мне в нос водочным перегаром; вытащив из кармана листок, на котором были распечатаны итоговые баллы второго тура, он пустил его по кругу. Моя фамилия стояла на втором месте: у меня было двадцать три балла из двадцати пяти возможных. Две других женских фамилии из нашей компании значились в первой десятке, Э числился шестнадцатым. Откровенность пьяного мэтра была просто обезоруживающей: он даже не собирался скрывать от нас реального положения вещей! Шулер выставлял на вид свои краплённые карты, уверенный в своей полной безнаказанности. Торжествующим тоном он заявил:

– Читайте, читайте, мне не жалко! А вот теперь вы увидите, что я из всего этого сделаю. Каким образом – вас не касается. И запомните: при желании я могу подобное сделать для каждого. Но вы же, вместо того, чтобы по-хорошему договориться, начнёте строчить свои жалобы... Ха-ха-ха!

И он действительно «сделал». Ни я, ни две другие организаторки из первой десятки вообще не были допущены на третий тур, а Э самым чудесным образом поднялся с шестнадцатого места и получил диплом. Позже Зигмунд Сатмари, бывший в тот раз председателем жюри (замечательный организатор и человек, ставший впоследствии моим большим другом), говорил мне: «Я так и не понял, как ему удалось это

провернуть?!»)»)

В конце опять была попойка, опять звучали хвастливые крики, что «вот так делаются все конкурсы», циничные извинения со стороны Э («Оля, прости, но я никак не могу вернуться назад без этой премии»), удивление, если не шок слушателей («Кто такой этот Янченко?! Почему он тебя утопил?! Ведь вы же из одной команды!!»).

Что я могла им ответить?.. Я и сама находилась в какой-то прострации, плохо соображая, что происходит. У меня было ощущение, что меня опутали какими-то невидимыми тенетами, липкой паутиной лжи, которую я не в состоянии разорвать и даже не в состоянии найти конец, за который можно было бы потянуть, чтобы выпутаться.

К сожалению, в жизни мне ещё не раз пришлось столкнуться с аналогичной ситуацией, когда не мистические мasons и не оголтелые русофобы, а свои, отечественные «братья и сёстры» обёртывали меня, словно коконом, невидимыми путами подлости и лжи, настолько крепкими и искусными, что сопротивляться было бессмысленно.

Чем дальше я шла по избранному пути, тем очевидней становилась истина: раковая опухоль коррупции в нашей музыкальной индустрии проросла так глубоко, что под угрозой оказалась вся отечественная культура. Метастазы этой опухоли проявились во всех сферах и отраслях – в образовании, в концертной практике, в управленческом аппара-

те и даже в органостроении. В знаменитой «десятилетке» при Санкт-Петербургской (Ленинградской) консерватории начиная с давних времён было принято стимулировать педагогов-специалистов дублёнками, сапогами и прочим недешёвым советским дефицитом. Судьбы абитуриентов-исполнителей решались синклитом школьных и консерваторских «преподов» за обеденным столом, уставленным коньяком, икрой и прочими яствами, оплаченными родителями детишек, решивших войти в Альма Матер. Но и это не всё: попасть в консерваторию можно было, только проплатив в течение года-двух одному из столпов российского пианизма солидную сумму за «выдавленные» уроки. Так на фортепианном факультете (в том числе на его органном отделении) появлялись студенты, едва умеющие шевелить пальцами, а истинно талантливые, которые не пожелали вписаться в навязанный формат, вынуждены были уезжать за рубеж. И количество отбывших с каждым годом множилось, а качество оставшихся неуклонно вырождалось, превращая крепкое настоящее вино в мутную жижу. Зато «вписавшиеся», получив инъекцию житейской мудрости, начинали обивать пороги концертных залов, где служили разного рода тётеньки, несостоявшиеся в профессиональной сфере, но занявшие удобные ниши в качестве редакторов концертных программ. Тётеньки удовлетворялись коробочкой конфет, их начальники имели другие аппетиты – там приветствовались денежные вложения, желательно зелёного цвета. Дальше – боль-

ше: получив концерт-другой, такой «вписавшийся» начинал приторговывать нашими концертными залами и учебными заведениями по принципу «я тебе, ты мне». Кто из зарубежных исполнителей не хочет выступить в Санкт-Петербурге?! Правда, за это приходится потом приглашать «вписавшегося» к себе. Западная публика – не наша, всеядная; поняв, что король голый, начинает перешёптываться, пожимать плечами, задавать вопросы... Но дельце-то уже обделано, как говорится в знаменитой сказке. Глядь – а он уже лауреат, завкафедрой, доцент, профессор, председатель жюри, и пошло-поехало. А вот уже и дочь его на этой же кафедре, и сын... И так – дальше, по закону цепной реакции умножая вокруг себя ряды бездарных взяточников.

Л. И. Ройзман в своих письмах высветил эту чудовищную проблему, а я подхватила его эстафету, коснувшись знакомого мне факультета. Но есть ведь и другие факультеты, на которых, пусть не в таком чудовищном масштабе и в иных формах, но тоже проявлялась болезнь, смертельная для живой субстанции музыки! Да только ли музыки?.. Увы! Не может в едином теле гнить отдельно взятый орган, не затрагивая остальных. Гангрена неминуемо поразит весь организм. И сегодня нам кажутся пророческими слова Л. И. Ройзмана, предвидевшего в те далёкие годы печальную, но неизбежную перспективу.

Сейчас я вспоминаю описанный эпизод из своей биографии как трагикомическое недоразумение. Он обогатил меня бесценным опытом и, кроме того, предопределил всю мою последующую карьеру. Тот самый Зигмунд Сатмари, который впервые услышал мою игру в Будапеште, вскоре пригласил меня на свой мастер-курс в Бюкебург, а после в Швейцарию. Его супруга, великолепная Аи Сатмари великодушно ангажировала меня – а позже и моего супруга, пианиста Владислава Пейсахова на череду европейских гастролей, мои поклонники из числа будапештских слушателей стали наперебой приглашать нас в Европу с лекциями и концертами, – и пошло-поехало, закрутилась наша зарубежная жизнь!

И, перечитывая сегодня письма Леонида Исааковича Ройзмана, я ещё раз убеждаюсь в том, что злая человеческая воля может отнять у нас эфемерные блага дарвинистского мира, но она абсолютно бессильна перед нашей душой и никогда не лишит нас главного – того, что мы называем любовью.

Письма

Орфография, пунктуация и подчёркивания автора сохранены.

Косой чертой помечены сокращения

Письмо № 1

15. VI 86

Милая Оля!

Вернулся из Сибири (Омск и Барнаул!) и застал Ваше прекрасное и интересное письмо (оно и по стилю, и по форме, и по богатству эмоций ничуть не уступает «Письмам леди Рондо», см.: Записки иностранцев о России, СПб, 1874, т. I)... А тут ещё пришла и поэма!⁶ Ну, знаете! – Что Вы – существо талантливое и Богом отмеченное, – я понял ещё на своём давнем концерте в Капелле, когда Вы зашли познакомиться в артистическую. Дальнейшая жизнь моё предчувствие подтвердила. Но, пощадите! Эта россыпь одарённостей может потрясти и не столь дряхлую голову. – Спасибо, Олечка, за ласку и доброту.

—

Относительно спортивных достижений, то у меня училась (по специальности/ ф-п) чемпионка СССР по мотоциклетному спорту, но таких «ракетообразных пловчих» – ещё не было. Вы – первая. – Этюд о Малиной⁷ и концерте её – выше всяких похвал. Это моё мнение и о Вашем поведении (ещё

⁶ Стихотворение О. Минкиной, посвящённое учителю

⁷ Н. В. Малина – органнй мастер Московской Консерватории им. Чайковского

одно дарование – дипломатическое!) и о литературной стороне.

Сама «мадам» мне сообщила, что с Олей «кажется, налаживаются отношения», потому что «она что-то осознала»⁸.

—

Да. И мне хочется «любить людей и доверять им». Но, видимо, я при этом слишком высокие требования к ним предъявляю, т. е. не могу «спускать» им их человеческие ультраотклонения. – Из последних событий в моём «дрессированном» классе (ах-ах!): – три девицы (самые сильные в классе), которых возил в Калининград, Горький и Ригу – *отчислены* из моего класса *pour toujours*⁹... Музыкальный экзамен они выдержали, а человеческий – нет.

Я рад, конечно, что «Че»¹⁰ был благолепен; его необходимо заставлять Чаще Чирикать по телефону с Воробьёвым (Министерство), у кот/орого/ на складе припрятаны хорошие 2-х мануальные клавесины.

—

Из разговора с Капеллой (Владимир?) узнал, что Воробьёв решил сделать ремонт силами Пронцкетиса.

Сочувствую Юстину, выдвинувшему обольстительный

⁸ Этому разговору предшествовали небольшие разногласия в организационной сфере

⁹ (фр.) навсегда

¹⁰ «Че» – Владислав Чернушенко, ректор Ленинградской консерватории им. Римского-Корсакова, художественный руководитель Капеллы им. Глинки

лозунг «обогащайтесь», но Капелла после такого «ремонта» сможет отправить орган в металлолом. А через 2–3 года начнёт заказывать орган (который надо было бы заказывать сегодня...).

—

Числа в октябре 86 г/ода/ я уже *отдал* и отказал Капелле окончательно.

—

Концерт в Б/ольшом/ Зале (одно отделение), которым ведаю я – это консерваторский концерт из 2-х летнего цикла «Исторические концерты, классика и современность». *Никаких* прослушиваний, только моё приглашение и Ваше согласие (то, куда попал Сердюк – Филармоническое прослушивание на предмет получения сольного *филармонического* концерта. В той ситуации, какая *сейчас* сложилась, – я Вам не советую пока прослушиваться).

Итак, пожалуйста, *ответьте*: хотите ли и можете ли сыграть 1 отделение (кто 2-е – ещё не известно) – 14 января 1987 г/ода/ в Б/ольшом/ Зале? В программе желательна и классика, и «современность». Приезд – за сколько сможете дней, – но репетиция в зале лишь по 1 часу (в очередь со вторым участником) и с 7–9 утра. – К сожалению, как и все Ваши приезды – без матер/иальной/ помощи Консерватории, без жилья и т. д. – Трудно! Но ответ *мне нужен*.

(Если 14.I – неудобно, возможен ещё март 87 – числа нет).
Напишите!

Пожалуйста, милая Оля, страдая за близких, – не отдавайтесь страху. – Ведь, только сила молодых может поддерживать слабость нашего поколения. Мы же с Ларисой Васильевной¹¹ – совсем одни на свете. И, пока можем, не позволяем себе проявление *слабости* друг к другу...

Искренне желаю, чтобы Вашим стало лучше; для этого и Вам надо быть повеселее и пооптимистичнее. – Ничего не поделаешь!

Всегда Ваш Л. Ройзман

Р. S. Вкладываю – для развлечения – обрывок своих воспоминаний военного времени (на обеих страницах).

Р. P. S. Я в Москве до 25.VI; затем с 3.VII – 203600, Пярну, ЭССР, ул.9 мая, д.10, кв.20

¹¹ Л. В. Мохель – жена Л. И. Ройзмана

Письмо № 2

ОТЗЫВ

О. Минкина, заканчивающая под моим руководством ассистентуру-стажировку в органном классе Московской консерватории, обладает интересной и своеобразной музыкальной индивидуальностью. Талантливая органистка, О. Минкина свободно ориентируется на органах различных систем, убедительно интерпретирует музыку мастеров разнообразных национальных школ XVI–XVIII столетий (Нидерланды, Италия, Франция, Германия, и т. д.), также как и лучшие образцы из великого наследия И. С. Баха.

Репертуар исполнительницы весьма обширен. Большое место занимает в нём и музыка XIX века (Шуман, Брамс, Франк), и произведения современных советских и зарубежных авторов.

О. Минкина уже ряд лет успешно выступает в Ленинграде и Москве с сольными программами, а также в разного рода ансамблях (с инструменталистами, вокалистами, хором и оркестром).

Яркий волевой темперамент, ясность творческих намерений, умелое применение артикуляционных, фразировочных и агогических средств делают игру О. Минкиной доступной

для восприятия самой широкой аудитории.

Органистка выступает и как лектор по различным разделам мировой органной культуры. В этом качестве О. Минкина умеет найти контакт со слушателями и увлечь их красочностью и образностью изложения.

Как и полагается образованной органистке, О. Минкина мастерски владеет игрой на клавесине, умеет расшифровывать цифрованный бас, легко преодолевает все трудности ансамблевого музицирования.

В итоге можно утверждать, что О. Минкина (обладает) всеми необходимыми качествами для интенсивного творческого роста и, при наличии благоприятных условий, несомненно пополнит ряды лучших молодых советских органистов и клавесинистов.

Засл. деятель искусств РСФСР,

*Доктор искусствоведения, Профессор
21. VI.1986, Москва*

Л. И. Ройзман

Письмо № 3

21. VI.1986

Милая Оля!

Наши с Вами письма, по-видимому, «разошлись»... Я получил от Вас оба и ответил большим письмом, со вложением газетки.

Все 11 экземпляров Отзывов – подписал и на 6-ти – исправил (довольно неумело) две опечатки.

О делах Ленинграда (органных).

И. А. Браудо¹² оставил нынешним органистам тяжёлое наследие:

1) *инструменты* (когда их ставили, я имел возможность вмешаться, – но не считал возможным: И. А. был старше на 20 лет; хотя я не абхазец, но воспитан был на уважении к старшим).

2) Пронцкетиса¹³, которому Ленинград позволил сделаться *единственным* (и по сей день); а от «единственного» до «культы личности», ведь, недалеко...

¹² И. А. Браудо – российский органист, профессор Ленинградской Консерватории

¹³ Ю. С. Пронцкетис – Ленинградский органный мастер

3) *Нину Ивановну*¹⁴, – которая в комментариях не нуждается.

И пока № № 2 и 3 будут на своих местах – ничего путного не произойдёт.

Вы спрашиваете о «моём слове». Конечно, оно могло бы прозвучать; но я придерживаюсь железного правила: самому не вмешиваться, а зато на официальные запросы отвечать быстро и откровенно. Пока таких запросов нет – буду молчать.

Что говорит обо мне Пронцкетис – совершенно меня не интересует. – Могу только сказать, что он от меня ничего «недоброго» не видел. Помнится, что в ряде случаев, когда-то, я ему помог в трудных положениях.

Вот из-за этих мелких и склочных «ситуаций» я и отказался от концерта в Капелле.

Оля, я жду срочного ответа (конечно, согласия) на предложение играть в «Историч/еском/ концерте» в Б/ольшом/ Зале 14 января 87 г. Назовите, также, хотя бы авторов – реклама делается заранее.

25–30.VI – я в Кишинёве (там – 33 градуса). С 3 июля до 25 августа в Пярну (203600, Пярну, ЭССР, ул.9 мая, д.10, кв.20)

Обязательно напишите.

¹⁴ Н. И. Оксентян – руководитель организованного класса Ленинградской консерватории после смерти И. А. Браудо

Очень интересные Вы дела с Владиком¹⁵ концертные совершаете!

На конкурс не хожу, кое-что слушал по телевизору.

Великолепный скрипач ваш Д. Берлинский! Это большое дарование, – что, конечно, не помешает жюри отодвинуть его в «уголок».

Будьте всей семьёй благополучны

Ваш Л. Ройзман.

P. S. Вот устроить бы вечер:

P. Шуман

1. Крейсleriана – Владик

2. 6 фуг для органа (В-А-С-Н) – Оля

Между пьесами прочесть «Советы молодым музыкантам»

¹⁵ Владислав Пейсахов – пианист, муж Ольги Минкиной

Письмо № 4

НАЧАЛО ОТСУТСТВУЕТ

/Помечено: стр.6/

удачные; найду время (желание всегда есть) и для клавишинной программы, и для Фрескобальди и чего угодно. – Кстати, из ближайших месяцев октябрь я в Москве и он удобнее мне, чем сентябрь (5.IX – кончает аспирантка) Измайлова – Баку; поступает новый аспирант; 18. IX – вечер моих студентов, 26. IX – мой Баховский концерт в БЗК¹⁶ – от Филармонии, на другой день – 27. IX – вылет в Пицунду на 2 концерта. Вот какой сентябрь у меня!)

Но клавесин – это «Че». Сейчас, когда все собираются работать «по-новому» (как? никто не знает), – клавесин у «Че» надо представить как часть этого «нового»... Требуйте от него командировки в Москву для выяснения вопроса и ускорения этого вопроса – получения клавесина в Министерстве.(Я понимаю, что об этом можно думать лишь в конце VIII)

Ставил ли «Че» с Вами или с кем-либо другим Бриттена *Missa brevis*? Забросайте его идеями; факультатив клавесина имеется: в Конс/ерватории/ Кишинёва, Минска, Гнес/инско-го/ Ин/ститу/та в Москве, Рижск/ой/ Конс/ерватории/, в Тал-

¹⁶ БЗК – Большой зал Московской Консерватории

лине и Вильнюсе, Киеве, Одессе... Я об этих организ/ационных/ моментах пишу больше, так как всё, что Вам на первое время понадобится на клавиес/инном/ поприще – помогу быстро получить.

А вот из Че верёвки вить – не умею, – это уж Ваше искусство...

Привет Вашим; скажите маме, что у неё очень хорошая дочка.

Ваш Л. Ройзман

P.S. Мне стыдно, получая от Вас письма, написанные таким красивым почерком – посылать грязную писулю. Боюсь, что даже моя «дрессированная» натура уж не сумеет избавиться от давней страсти к хаосу и беспорядку...

Письмо № 5

27. XI.86, Киев

Милая Оля!

Ваше письмо от 10.IX снова повергло меня в изумление: до чего у Вас красивый почерк и как (и кем?) воспитано такое чувство формы?!

Содержание же письма вызывает самые противоречивые чувства раньше всего – негодование! – Ну, раз нельзя таблетками, так надо собрать волю «в кулак»; А. Б. Гольденвейзер¹⁷, как-то, сказал при мне: «Болеют только те, кто хочет болеть»... Увы, это не всегда правильно. – Но сказал он это своей аспирантке Л. М. Левинсон, которая очень часто болела. Теперь ей 82 года и она живёт творческой жизнью (хотя на пенсии).

Вот видите, какие у Вас перспективы!

— —

Любовь к 16ти футовым регистрам – болезнь детского возраста, которая с повзрослением – проходит сама...

— —

Ваше эссе о Н. В. Малиной – не только психологически

¹⁷ А. Б. Гольденвейзер – российский пианист, композитор, профессор Московской Консерватории, учитель Л. И. Ройзмана

тонко и остроумно; – оно превосходно! (это не «реверанс в сторону дамы»...). Со страницы встаёт образ (воздержимся от эпитетов) графически точно набросанный. Ну, прямо графика Добужинского. – Перед моим отъездом из Москвы (21.XI) Н. В. возбуждённо (с лихорадочным восторгом) сообщила, что 1–4 XII едет в Ленинград!

Вообще же, у меня особая точка зрения на нахалов (мягко выражаясь), начиная с Гродберга¹⁸ и кончая Н. В. – Они *такие* и *их* не перевоспитаешь, но почему все окружающие «пожимают плечами», «яростно скрежещут зубами» – но тихо! И принимают меры успокоительного характера только тогда, когда «демон» уезжает?? – При мне же все эти нахалы ведут себя, как овечки, знают, что их «штучки» – не пройдут.

О конкурсе.¹⁹

Недели 2 тому назад Янченко²⁰ пришёл ко мне и выложил свои идеи, предложив мне войти в состав жюри.

Я поставил след/ующие/ условия:

1) Т. к. срок – апрель 1987 – совершенно неприемлем – к конкурсу надо готовиться *год*.

2) Программу надо составлять не *одному* человеку, – а с учётом пожеланий нескольких.

Свои соображения ему высказал.

¹⁸ Г. Гродберг – российский органист

¹⁹ Имеется в виду всесоюзное прослушивание (конкурс) к международному конкурсу органистов им. Листа в Будапеште

²⁰ О. Янченко – советский органист и композитор

3) Допускать к конкурсу надо имеющих «высшее музыкальное образование» – не указывая ф/акульте/т – таким образом открыта возможность играть и теоретикам, которые не сдавали Госэкзамен по органу.

– Как видите, многое совпадает с Оксентян.

Через неделю Янченко сообщил, что конкурс назначен на 10–20 октября 1987. – Что касается программы, он упёрся как осёл (извините!). *Кажется*, примет из моих предложений – замену Фантазии Моцарта на один из хоралов С. Франка и Листа, кроме «Пророка», добавится «В-А-С-Н»...

Однако, официальных бумаг от Министерства нет, буклета нет; Янченко – не самый худший «органый вариант». Но он никудышный организатор. – Посмотрим. – *Студентам разрешается*, после внутриконсерваторского прослушивания и рекомендации Ректората. – Чтобы покончить с этой темой, – скажу откровенно: мне моя роль не ясна. Все участники (кроме Ленинградцев) – мои ученики или внуки; из 10 членов жюри – 8 чел/овек/, опять-таки, бывшие мои. Что же мне делать в жюри? –

О Вашем участии. – Что Янченко (его «авторитет» – это звание «лауреат Государственной премии»; действует на Министерство магически. Не все знают, что премия присуждена *совсем* не за *органные* дела, а за музыку к фильму, да ещё в числе большой группы...) уже знает 3-х лауреатов (их должно быть 3) – мне ясно стало из беседы. – Так что с *этой* стороны участие в конкурсе ничего не принесёт. – Но если

отнестись к этому событию, как первому собранию советских органистов, фестивалю – то «людей посмотреть и себя показать», может быть, и стоит.

Однако Ваши мысли, разумеется, должны быть заняты другим. И это другое – поважнее всей «мышьей» суеты... –

О Ваших токсовских делах слышу в первый раз. О брате Владика – тоже. – Действительно – кошмар! –

К моему восхищению, оказалось, что я здесь в Киеве (дал два концерта, через час еду домой) – по протекции Раисы Герасимовны²¹, и – подозреваю в Вас автора эпитетов – Вашей! Конечно, поблагодарите Р. Г. Бондаренко (с которой не имею чести лично быть знакомым).

Вас вспоминаю часто. Заметили ли Вы, что мы особенно «подружились» после того, как изрядно «поцапались»? такая дружба прошла испытание на прочность.

—

Из моих ближайших планов – с 3–7. XII Горький. Два концерта и фильм (!) для телевидения на 45 мин/ут/...

По возвращении оппонирую на кандидатской защите Т. А. Гайдамович. А потом – классный вечер в МЗК²².

Студенты и аспиранты накинулись на инструменты как звери (все хотят на конкурс!). Кровапролития – не избежать.

Здоровья Вам, выдержки и целеустремлённости. А цель –

²¹ Р. Г. Бондаренко – в 1986–1987 гг. заместитель директора Капеллы им. Глинки

²² МЗК – малый зал Московской Консерватории

Вам яснее, чем кому-либо...

Ваш Л. Ройзман

Письмо № 6

28. I.87

Спасибо, милая Оля, за красивый подарок и всякие поздравления.

Я переношу морозы плоховато, по-видимому, у Вас всё это ещё труднее.

Не знаю, в какой мере развивающиеся жизненные обстоятельства оставляют Вам возможность интересоваться и нашими органами делами?

Любовь к органному звучанию и красочным образам, породили в народе уже давнюю (оказывается!) поговорку (весьма, весьма актуальную): «На словах-то у нас всё – как на органах, а на деле – нас нету!»

Я стараюсь преподнести эту поговорку слушателям на третьем Историч/еском/ концерте, кот/орый/ должен быть 27 марта...

Зимнего отдыха у нас с Ларисой Васильевной в этом году нет; ежедневно езжу заниматься в Консерваторию (Концерт в КЗЧ²³ 15 февраля), потом – в Ленинскую библиотеку. Там читаю прибывшую из Лондона (по Меж-библиотечному/.-абонементу) весьма интересную книгу о Генделе-органисте.

²³ КЗЧ – концертный зал им. Чайковского в Москве

Здесь «завал» органных концертов: в течение недели – Дигрис, Романов, Стамболцян, Фисейский, Дижур...

Настраиваюсь на получение новостей от Вас – и обязательно хороших! – в феврале.

Горячо мы оба желаем Вам с Владиком здоровое и весёлое чадо!

Всего, всего Вам доброго! Ваш Л. Ройзман

Письмо № 7

31. III- 87

Милая Оля!

Ну, хоть два слова о себе!!!

Л. Ройзман

Письмо № 8

12. IV.87

Милая Оля!

Горячо, горячо поздравляю Вас и Владика с рождением дочки! Пусть растёт здоровенькой и весёлой.

Спасибо, Олечка, за подробное письмо. Хоть бы самое тяжёлое оказалось позади. – Одним словом, да здравствует дочка, – да скроется тьма!

Уезжаю сейчас в Ярославль и в Горький; разные программы и разные люди.

Ваш Л. Ройзман

Письмо № 9

3. XI. 87

Милая Оля!

Наконец от Вас письмо от 18.X.

Какое счастье, что дитя Вас радует...и так любит слушать музыку!

—

В нашей Консерватории творится, кажется, не меньше прелестей, чем у Вас. – Стараюсь, как всегда, быть *в своём* «царстве-государстве»...

В этом году поступило 2 аспиранта: один – из Риги – Чуловский (ко мне) и дочь Софроницкого – Вивиан (к Гуревой).

Шмитов²⁴ занял 2ое место на Междун/ародном/ конкурсе в г. Speier (ФРГ); к тому же – женился, а 11.X сыграл в Малом Зале выпускной концерт – и окончил аспирантуру-стажировку. – Работает в Училище и много ездит – через Союзконцерт.

—

²⁴ А. Шмитов – российский органист, в означенные времена аспирант Л. И. Ройзмана

Паршин²⁵ 23.X отбыл в Париж на 10 месяцев.

—

Всероссийский конкурс органистов с декабря 87 перенесли на март (или май) 88... Думаю, что его вообще не будет.

Зато:

«органный секция» Всесоюзного Музыкального Общества организована. Председатель – О. Янченко. 18 и 19.XI.87 – в Киеве – первый съезд (пленум) всех советских органистов. – Среди посланных приглашений – имеется и посланное Вам. Но так как они не желали посылать на домашние адреса, – Вам послали на адрес Капеллы. Обязательно получите!

Вы, очевидно, из-за дитяти приехать не сможете, а жаль: была бы возможность ярко (как Вы умеете) поделиться многими интересными мыслями и предложениями (они у Вас есть, я знаю). (Ю. Семёнову на Уч/или/ще послано).

Там будут обсуждаться:

1. Концертно-исполнительские вопросы
2. Уход за органами, – кадры новых мастеров
3. Постановка преподавания дисциплины «орган»
4. Вопросы научно-критические (статьи, лекции, рецензии – по орган/ной/ тематике)
5. Положение о «Совете по органостроению», то есть, вопросы строительства, ремонта и т. д. должны решать не чиновники, а специалисты.

Не скрою, что всё это я придумал. Янченко – горит жела-

²⁵ А. Паршин – российский органист, в прошлом аспирант Л. И. Ройзмана

нием провести в жизнь.

Я, естественно, не горю, но тлею...

Поехать – не поеду (там будет 1–2 милых создания, из-за которых не хочется начать изучение Киевских больниц...). – Но «шпаргалками» Янченко обеспечу.

Реально – может ничего не получиться; нужен *деловой энтузиаст*, а кто может?!

Ездил я в IX и X – для себя много. Последнюю программу посылаю. Теперь – до весны – на «зимнюю спячку» – в смысле поездок.

В Б/ольшом/Зале (он закрыт), поскольку ремонт и не собираются начинать – органисты резво сами занимаются – зал-то пустой!

Будьте всей семьёй благополучны *непрерменно*.

Ваш Л. Ройзман

Письмо № 10

13. XII.87

Милая Оля!

Я Вас еле улавливал по телефону, а Вы звонок не повторили...

Надеюсь, дома у Вас всё благополучно?

Всесоюзный конкурс, всё-таки, будет – 28.II – 10. III 1988, – в Москве, в Музее Глинки.

Предложили мне быть председателем. Я отказался; вероятно, предложат Лепнурму²⁶ или Оксентян.

Зато я дал согласие поехать в Будапешт (IX.88) в жюри Междун/ародного/ конкурса органистов им. Листа. Всес/оюзное/ прослуш/ивание/ – устроим в апреле.

Участие там – не старше 32 лет. Программу посылаю – может быть, интересно?

I тур Лист В-А-С-Н

И одна из пьес Баха:

Прел/юдия/ и ф/уга/ h

—“— D

Токк/ата/ и fuga (дорич/еская/)

²⁶ Х. Лепнурм – эстонский органист, композитор, профессор Таллинской консерватории

—“ – F-dur
– “– C-dur
Фант/азия/ и ф/уга/ g-moll

II тур Лист Weinen, Klagen
Или
Лист «Данте» (целиком)
Соврем/енный/ венгерск/ий/ автор (1 пьеса)
Вивальди-Бах Концерт d или a

III тур Лист Фантазия Ad nos
или
Ройбке Соната

Будьте всей семьёй здоровы, счастливы и благополучны в
Новом Году!

Ваши Л. И. и Л. В.

Письмо № 11

15. XII. 87

Милая Оля!

Уточняю: в Венгерск/ом/ конкурсе участие возможно не старше 35 лет.

Всесоюзн/ое/ прослуш/ивание/ – 27.III – 2-IV

Где? – неизвестно пока.

Сердечный привет

Л. Ройзман

Письмо № 12

29. IX.88

Милая, милая Олечка!

Конечно, читать Ваше письмо было мне и радостно, и грустно.

Радостно – потому, что чувствую Вашу прекрасную гордость, высокий «градус» осознанного чувства собственного достоинства и убеждающую объективность самооценок. Не только «вижу», но и слышу Вашу яркую (м/ожет/ б/ыть/ даже в чём-то «дерзкую»?) игру и *очень* всему этому радуюсь. – То, что человеческое окружение не сумело потушить Ваш внутренний огонь – и в жизни, и в музыке, – это большая радость и залог бесконечного творческого роста.

Грустно – не по-поводу описания мерзкого поведения действующих лиц, – а, наблюдая, как разрушаются у Вас ещё некоторые сохранившиеся иллюзии: вера в справедливость, её восстановление, и т. д.

Мне и моей Ларисе Васильевне многое в жизни пришлось перенести тяжёлого; самый главный вывод, всё-таки, это «царство Божие – внутри нас». – Только так можно сохранить свободу духа и полную независимость от всякой грязи.

Оганесяну²⁷ пришлось здорово поработать и собрать за последние четыре года большие «средства». Ещё когда его жена, Муза Рубацките, получила в Будапеште I ю премию на конкурсе Листа (ф/орте/п/иано/), были проторены пути ко всем местным светилам... Все блага Семёновой²⁸, конечно, – не её затраты, – так же, как и попойки местного и международного масштаба. – почти уверен, что рассказывая Вам («ликбез»), Семёнова рассчитывала и на материальное поощрение своих усилий, – уже *не только* со стороны Эдика...

Очевидно, только отвратительная игра нашего «лидера» не дала возможность устроить ему «лауреата».

Янч/енко/, конечно, не просто возлюбил Оган/есяна/ и Уйбо; «просто» – у этих субъектов ничего не делается. Все последние годы и в Вильнюсе, и в Таллине «опивались», «объедались» и «обкладывались» – различными приношениями – и *Янченко/*, и *Семёнова/*. – Но и венг/ерские/ «жюрьеры», – не были обижены вниманием...

Увы, – подобное могу рассказать Вам и о других конкурсах. И, – конечно же – времена изменились; поговорка: «победителей не судят» – устарела. – Победителей (такого рода) – надо судить, – но, к сожалению, такого эшафота пока нет...

²⁷ Э. Оганесян – в означенные времена литовский органист, в прошлом аспирант Л. И. Ройзмана

²⁸ Е. Семёнова – чиновник Отдела конкурсов Министерства культуры СССР

Моё положение перед Вашим отъездом – и на Всес/оюзное/ просл/ушивание/, и в Венгрию – было, скажем так – НЕ ВЕСЁЛОЕ... – Ну, конечно, я знал, что Янч/енко/ + Отдел конкурсов ставят на Оганесяна и на Уйбо; и пропустило 5 чел/овек/ в Венгрию, – для «комуфляжа» (демократия!). Ну, как я мог это всё Вам рассказывать, когда у Вас был *хороший* творческий заряд и задор? Убивать это в зародыше?

Я и сейчас считаю, что Вы отлично играли в Будапеште ещё и потому, что были знакомы с *частью* всей «грязи», – а не со *всей* грязью!

Конечно, – ничего «делать» *не надо!* Вскрыть нарыв – можно, но *удалить* гной – *невозможно*, – а, ведь, это главное.

Заниматься этими попытками – унижительно. Это значит становиться на одну доску с этой компанией...

Боже мой, сколько я мог бы Вам рассказать о гадостях, которые выливаются на мою старую голову многими, многими моими воспитанниками, – которых я не только учил, – но и постарался дать им профессию и положение... Я рад, что это (включая настойчивые нажимы *Янч/енко/* – через высоких лиц – на Ректора, – об увольнении меня и «призвании» на мою должность именно *его*) – вызывает у меня лишь (ну, может быть, не очень весёлую) улыбку.

Давайте делать своё дело; конечно, своим близким (может быть, и Чернушенко, кот/орый/, кажется, Вас ценит) – можно всё рассказывать. Но не в расчете на восстановление справедливости, – а для пополнения их жизненного багажа...

Многое хотелось бы обсудить, – но кончаю.

Всегда рад, что встретилось мне такое человеческое существо, как «неугасимая Минкина»!

Ваш Л. Ройзман

Письмо № 13

1 марта 1989

Милая Оля!

Получил Ваше письмо от 18 февраля.

Всё письмо – очень интересно, красочно написано; грустно только, что Вашему поколению (то есть, тем, конечно, кто имеет что хранить в душе...) выпало на долю уж слишком много противного.

Внимательно прочёл всё то, что Вы написали о Владике. Ничуть не сомневаюсь, что характеристика совершенно объективна.

Что ж я могу сделать? Увы, только погрустить с Вами. – Если эти Историч/еские/ концерты и продолжатся в сед/ующем/ сезоне (это ещё неизвестно), то ведь – чисто органичные. К пианистам я, как организатор, – не допускаюсь...

Внешне всё складывается у меня как будто интересно: в марте буду в Киеве, потом – в Ташкенте. 30-ого марта²⁹ – я, Наташа Малина и 2 чиновника летим во Францию. За 6 дней должны посетить 4 фирмы – в Париже, Страсбурге, и т. д. – Как дышится – потом напишу.

По возвращении возможны серьёзные изменения в кон-

²⁹ 26 марта 1989 года Л. И. Ройзман скончался

серваторской обстановке; достаточно сказать, что Ректор пригласил на работу (пока – преподавателем камерного ансамбля) – Вашего дорогого О. Г. Янченко.

Ваша ласковая заботливость и душевная теплота нам с Ларисой Васильевной очень дороги. И печалит меня только то, что не могу практически ничего Вам хорошего сделать.

Всего Вам доброго

Ваш Л. Ройзман

Ольга Минкина

Российская органистка, музыковед, музыкальный критик, писатель, Доктор искусствоведения (PhD).

Закончила специальную музыкальную школу при Санкт-Петербургской (Ленинградской) консерватории, консерваторию им. Римского-Корсакова, аспирантуру ЛГИТМиК (ныне Институт истории искусств), ассистентуру-стажировку Московской государственной консерватории им. Чайковского по классу профессора, доктора искусствоведения Л. И. Ройзмана. Позже – мастер-курсы у профессоров З. Сатмари и М. Хазельбёка (Германия), Д. Рота (Франция), А. Саккетти (Италия), Х. Э. А. Харне (Испания), и др.

Преподавательская деятельность с 1976 по 1998 год: специальная музыкальная школа-лицей при СПб консерватории, консерватория им. Римского-Корсакова, Хоровое училище при Капелле им. Глинки, педагогический Университет им. Герцена.

Концертная деятельность: с 1975 по 1998 год лекции и сольные концерты, а также концерты с хором, оркестром и солистами-вокалистами и инструменталистами в академической Капелле им. Глинки и Большом зале СПб Филармонии им. Шостаковича, Доме учёных на Неве, Большом и Малом залах Московской консерватории им. Чайковского, и т. д.

С 1985 года – концертная деятельность за рубежом. С 1989 года регулярные гастрольные поездки по Европе (Германия, Испания, Швейцария, Франция, Италия, Австрия,

Дания, Финляндия).

С 2000 года в основном работает в Германии (гастдоцент различных институтов Фонда Бертельсмана, лекции в Университетах г. Мюнстера и Оснабрюка, и т. д.).

Со студенческих лет – работа на Ленинградском радио, телевидении и в центральной прессе.

Автор книг «Русская музыка для органа» (СПб, Канон, 1994), «Глен Гульд» (СПб, Сударыня, 2001), «Групповой портрет с органом» (СПб, Реноме, 2008), «Музыка как терапия» (СПб, Реноме, 2009), «Острова» (СПб, ТПИ, 2015), «Моцарт: обвиняются в убийстве» (СПб, Реноме, 2018), а также многочисленных статей и эссе, опубликованных в Санкт-Петербургских журналах.

Фотографии:

На титульном листе

Л. И. Ройзман и его дарственная надпись на данной фотографии

Ольга Минкина после концерта на органе Рована Веста (Билефельд, Германия)

Внизу

Ольга Минкина после концерта на органе Ганса Шерера /1624 г./ (Тангермюнде, Германия)